

Е.В. Казарцева

СТРАТЕГИИ АККУЛЬТУРАЦИИ РУССКОЯЗЫЧНОЙ МОЛОДЕЖИ БЕРЛИНА

Статья посвящена проблеме адаптации русскоязычной молодежи Германии. На материале, собранном в конце 2007 — начале 2008 гг. в Берлине, описываются и анализируются 4 вида стратегий аккультурации иммигрантов в возрасте от 16 до 27 лет: ассимиляция, интеграция, сепарация и маргинализация.

Ключевые слова: молодежь, иммигранты, аккультурация.

Key words: youth, immigrants, acculturation.

История взаимоотношений этнических групп иммигрантов Германии и немецкого общества очень сложна и противоречива. Эти отношения можно рассматривать как историю возникновения и развития идеологии мультикультурализма в современной Германии. В период с начала 1990-х до середины 2000-х гг. происходила интенсивная иммиграция в Германию из различных стран Центральной и Восточной Европы, прежде всего, из стран бывшего Советского Союза. Уже к 1998 г., согласно немецким статистическим данным, насчитывалось более семи миллионов иностранцев (Данисенко 2003). Однако вплоть до 2005 г. Германия не признавала себя страной иммиграции и настаивала на приоритетном положении титульной нации, что подразумевало четкое разделение на «свою» (немецкую) и «чужую» (иммигрантскую) культуру.

Таким образом, идеология и политика мультикультурализма в Германии сопровождалась постоянным противостоянием этнокультурного немецкого сообщества и иммигрантов (Куропятник 2000: 152). Подобная ситуация во

многим повлияла на усиление этнической и культурной дифференциации между национальным большинством и меньшинством, и в том числе на дезинтеграционные стратегии иммигрантов. При этом наибольшие затруднения при адаптации к новым социокультурным условиям испытывало старшее и среднее поколение иммигрантов, тогда как молодежь, перевезенная в другую страну в детском и подростковом возрасте, успешнее осваивала новые социальные нормы и ценности. С этой точки зрения молодежь воспринималась как наиболее перспективная категория иммигрантов, имеющая более высокие шансы для интеграции в немецкое общество. Таким образом, особый интерес представляют формы адаптации и стратегии аккультурации молодежи на фоне изменяющейся этнополитической ситуации.

В настоящей работе представлены результаты исследования, проведенного в Берлине в период с октября 2007 г. по февраль 2008 г. и посвященного проблеме социокультурной адаптации молодых русскоязычных эмигрантов в Германии*. Одной из задач исследования является описание стратегий аккультурации русскоязычной молодежи Берлина. Основой для данного описания послужила концепция аккультурации, разработанная канадским ученым Дж. Берри в рамках кросскультурной психологии. Согласно этой концепции, существуют четыре вида стратегий, применяемых индивидами при вхождении в иную этнокультурную среду (Berry 1992). Тот или иной вид стратегии зависит от того, каким способом этнокультурные группы готовы решить две проблемы: с одной стороны, наладить связи с принимающим обществом, а с другой — сохранить собственную культуру. Таким образом, выделяются стратегии ассимиляции, интеграции, сепарации и маргинализации. Под ассимиляцией подразумевается «отход», отчуждение от культуры происхождения и полная идентификация с принимающей культурой. Интеграция предполагает, с одной стороны, освоение ценностей, норм и моделей поведения в принимающем обществе, а с другой — сохранение собственной культуры. Сепарационной стратегией Дж. Берри называет стремление иммигрантов придерживаться культуры происхождения и ограничивать контакты с коренным населением. Наконец, маргинализация означает, с одной стороны, отказ индивида следовать ценностям и нормам принимающей культуры, а с другой, отход и от культуры происхождения (Берри и др. 2007).

В основе данного исследования лежит методика проведения и анализа глубинных интервью с русскоязычными эмигрантами в возрасте от 16 до 27 лет, которые прожили в эмиграции не менее двух лет. Отбор информантов производился методом «снежного кома», но при использовании квотной вы-

* Исследование проведено под руководством д.с.н. проф. А. И. Куропятника. Автор благодарит проф. Н. Генова (Свободный университет Берлина) за помощь во время научной стажировки в Германии.

борки, в которой учитывались различные линии и причины эмиграции, половозрастные характеристики и сроки пребывания в Германии.

Таким образом, было проведено 40 интервью с представителями разных категорий молодежи, имеющих различные причины эмиграции: 13 человек, переехавших в Германию по еврейской линии, 19 человек, переехавших по немецкой линии, и 8 человек, эмигрировавших по другим причинам (вследствие получения постоянного места работы в Берлине, заключения брака с немцем и т.п.). В интервью затрагивались такие темы, как знание и использование русского и немецкого языка в различных ситуациях; особенности взаимоотношений в кругу друзей, а также в школьном или студенческом коллективе; способы сохранения русского языка и культуры; социальное положение и психологическое состояние в различные периоды жизни в эмиграции; этническая самоидентификация; оценка перспектив и возможностей самореализации.

Многие исследователи, рассматривая вопрос о социальной адаптации и интеграции русских в Германии, говорят о молодежи как о «наиболее приспособленной», «наиболее успешной» и «наименее проблематичной» категории эмигрантов (см., напр., Протасова 2003; Dietz 1994). Действительно, молодежь в силу многих причин (например, необходимости учиться в немецких учебных заведениях, эмиграции в раннем детстве и т.п.) быстрее осваивается и адаптируется в новых социальных и культурных условиях, чем старшее поколение. Но под адаптацией в данном случае может подразумеваться скорее социальное или эмоциональное приспособление к новой культурной среде, чем освоение ее норм, ценностей и моделей поведения. По словам Т.Г. Стефаненко, «человек может быть хорошо приспособленным к жизни в новом обществе, находя “маленькую Америку” в Париже или “маленькую Одессу” на Брайтон-Бич», тогда как подлинная адаптация предполагает как достижение социальной и психологической интеграции в еще одну культуру, так и сохранение богатств культуры происхождения (Стефаненко 2009).

В Германии активно проводятся исследования, посвященные вопросам успешности вхождения в новую культурную среду молодых русскоязычных иммигрантов. Например, в 1998–1999 гг. в Северной Вестфалии Институтом междисциплинарных исследований конфликтов Билефельдского университета было проведено исследование, посвященное проблеме социального участия молодых переселенцев из бывшего Советского Союза*. Предметом

* Анализируя индивидуалистские и коллективистские формы интеграции (ассимиляция, включение, исключение и сепарация), исследователи определили шансы социального участия для иммигрантской молодежи. Опрос показал, что наибольшее количество молодых респондентов используют коллективистские формы интеграции, из которых сепарация составляет 44,8%, а включение — 35,9% (Strobl 2006).

изучения немецких социологов также является процесс аккультурации молодых мигрантов. Так, в период с 1995 по 2003 гг. в Университете Гумбольдта было проведено панельное трехэтапное исследование изменений аккультурационных стратегий еврейской молодежи Берлина, которое продемонстрировало наличие подобных изменений, возникающих на определенных этапах жизни в эмиграции (Schütze 2003).

Результаты нашего исследования адаптации русскоязычной молодежи Берлина демонстрируют склонность информантов к выбору дезинтеграционных видов стратегий аккультурации (см. таблицу квотной выборки: табл. 1).

Таблица 1

**Распределение стратегий аккультурации
в таблице квотной выборки**

Возраст	Еврейская линия (контингентные беженцы)		Русские немцы		Другие линии эмиграции	
	Возраст при эмиграции		Возраст при эмиграции		Возраст при эмиграции	
	до 12 лет	после 12 лет	до 12 лет	после 12 лет	до 12 лет	после 12 лет
16 – 19	●	●●○	●●■□□	●■	■□□□	●
20 – 23	●	●●■	■	●●○■	■	-
24 – 27	●●	●●○	●■	●●●○■	-	●■

- — ассимиляция
- — интеграция
- — сепарация
- — маргинализация

Из табл. 1 видно, что наибольшее число информантов среди русскоязычной молодежи Берлина выбрало сепарационную стратегию. При этом их выбор не был обусловлен в этих случаях ни возрастом, ни линиями эмиграции, ни сроками пребывания в Германии, что дает основание предположить наличие иных факторов, влияющих на применение данной стратегии аккультурации.

Интересен также и тот факт, что случаи ассимиляционной стратегии встретились только у молодежи от 16 до 19 лет, эмигрировавшей в раннем возрасте по немецкой линии или другим причинам, не связанным с национальностью, а информанты, эмигрировавшие по еврейской линии, вообще не выбирали данный вид стратегии, что видно также из табл. 2.

**Распределение стратегий аккультурации
в соответствии с линиями эмиграции**

Типы аккультурации	Евреи	Русские немцы	Другие категории эмигрантов	Общее количество
Ассимиляция	-	2	2	4
Интеграция	1	6	4	11
Сепаратизация	10	9	2	21
Маргинализация	2	2	-	4

Ассимиляция, прежде всего, характеризуется пассивным использованием родного языка. В случае с молодыми эмигрантами из России это выражается в преимущественном использовании немецкого языка как в школьных и других коллективах, так и в семье. При этом русский язык начинает играть роль иностранного языка, а молодежь не видит необходимости в дальнейшем его изучении и развитии:

«...я сейчас такой необходимости не вижу совершенно. Я могу по-русски говорить, и читать немножко могу, я могу слово или листок прочитать, но необходимость мне еще не понадобилась в знании русского языка, который пригодился бы в учебе или работе» (Андрей, 19 лет).

Другие информанты стремятся изучить русский язык, но смысл этого изучения видят только в том, что «знание еще одного языка может пригодиться в жизни». Примечательно и то, что русским языком ассимилировавшиеся молодые люди владеют очень слабо, крайне просто и односложно формулируют предложения. По этим же причинам проведение интервью с ними также было затруднено: информанты зачастую не понимали задаваемых вопросов, формулировка вопросов должна была быть очень простая. Некоторые информанты признаются, что даже несмотря на то, что в семье предпринимаются усилия по сохранению русского языка, немецкий остается основным языком во всех сферах общения:

«В школе я со всеми говорю только по-немецки. С братом и с мамой тоже. Когда у меня русских слов не хватает, я начинаю по-немецки говорить...» (Изабелла, 17 лет). *«Мама часто со мной говорит по-русски, но я ей отвечаю всегда по-немецки, потому что я так быстрее могу что-то сказать»* (Юля, 17 лет).

Многие русские семьи в Германии, чтобы сохранить язык, обязательно соблюдают правило: разговаривать в семье только по-русски. Но это не всегда спасает младшее поколение от полной культурно-языковой ассимиляции. Многое зависит еще от интенсивности общения молодых людей и их русскоязычных родителей. Если общение ограничивается только тем, что ребенок

с утра говорит родителям «доброе утро», а потом вечером «спокойной ночи», а остальное общение происходит на немецком языке в школе и с друзьями, то вряд ли можно рассчитывать на сохранение русского языка у младшего поколения.

То же самое можно сказать и о сохранении русской культуры в целом. Прежде всего, это выражается в том, что ассимилировавшаяся молодежь не испытывает никакого интереса к русской культурной жизни за рубежом. Кроме того, молодые люди практически никогда не читают русские книги (ни художественную литературу, ни публицистику), не слушают русской музыки и вообще мало интересуются тем, что происходит в России. Сохранение русских традиций выражается только в том, что в семье принято иногда праздновать некоторые православные или советские праздники, но некоторые информанты не придают им особого значения и относятся к этому как к причуде родителей.

Вполне закономерно, что у ассимилировавшейся молодежи преобладает немецкий круг общения. Можно назвать две причины, по которым молодые люди выбирают в друзья только немцев. Первой причиной является наличие у эмигрантов отрицательных стереотипов относительно русскоязычной молодежи:

«Здесь у многих русских уровень не очень высокий: молодые люди, которые в моем возрасте приезжают, они только с русскими.... Для них немцы — дураки почти все. Этим русским обязательно надо выпить или подраться. И как только я видел таких вот русских, мне было неприятно с ними. А немцы, с которыми я дружу — нормальные люди, самые настоящие» (Андрей, 19 лет).

Другой причиной можно считать условия изоляции от русскоязычной среды:

«...я не знала так много русских, а если я и знала каких-то со школы, то контактов просто не было, поэтому у меня были только немецкие друзья» (Юля, 17 лет).

При подобных условиях не удивительно и то, что в данной группе молодежи в течение их жизни в Германии произошла смена этнической идентификации: молодые люди перестают считать себя русскими и идентифицировать себя с русской культурой. Смена самоидентификации в некоторых случаях основывается также на убеждении, что в Германии «русским быть плохо», и нужно приложить всяческие усилия для того, чтобы немцы не догадывались о твоём происхождении:

«Да, у меня такая цель была: стать немцем. Очень сильная даже. После первого года я сам себе сказал: “Вот ты сейчас должен немцем стать”, но я чувствовал это, что я стремлюсь, и обязательно им буду: я старался, чтобы меня воспринимали как нормального человека...» (Андрей, 19 лет).

Свою дальнейшую судьбу ассимилировавшиеся информанты связывают только с Германией, и, несмотря на то, что время от времени посещают родину, не видят никаких перспектив для жизни и самореализации в России.

Более успешным видом аккультурационной стратегии является интеграция, т.к. в этом случае, в отличие от ассимиляции, иммигранты не теряют чувства принадлежности к культуре происхождения. Интегрированными считаются иммигранты, в высокой степени владеющие русским и немецким языком, испытывающие интерес к обоим культурам и имеющие достаточно широкий круг общения как среди русскоязычного населения, так и среди коренных немцев. По словам многих информантов, путь к интеграции зачастую лежит через многочисленные проблемы, конфликты и депрессии, а его продолжительность может занимать от 5 до 12 лет.

Следует отметить, что многие интегрировавшиеся информанты далеко не всегда поддерживают русских иммигрантов, выбравших для себя «сепарационную» стратегию аккультурации. Поэтому русскоязычный круг общения представителя интеграционной группы сужается иногда до двух-трех человек. Вследствие этого можно выделить два вида интеграции, которые характеризуются степенью интенсивности общения молодежи с другими русскоязычными иммигрантами:

1. Интеграция при активном общении с «русскими»;
2. Интеграция при пассивном общении с «русскими».

В первом случае речь идет об «обоюдной» коллективной интеграции, которая характеризуется не только наличием взаимного интереса представителей двух культур, но и культурным обменом, который выражается, например, в совместном праздновании традиционных народных праздников, совместном изучении русского и немецкого языка, а также посещении как русских, так и немецких культурных учреждений. Подобный тип взаимоотношений между национальным меньшинством и большинством, основанный на принципах взаимной толерантности и уважения, является, на наш взгляд, своего рода образцом мультикультурного общества. Информанты, относящиеся к этой группе, проявляют также большой интерес к политической и экономической ситуации в России, читают русскоязычную литературу, смотрят русское телевидение, а также не исключают для себя возможности в будущем работать или жить в России.

Второй вид интеграции достаточно близок к ассимиляции. Данная группа иммигрантов характеризуется тем, что ее русскоязычные связи крайне ограничены. Интенсивное общение на русском происходит только в семье. Остальные контакты с соотечественниками носят поверхностный характер, и это, как правило, круг знакомых, с которыми информанту приходится общаться по необходимости. Круг друзей у представителей этой группы в основном образуют немцы. Данная группа молодежи успешно перенимает

нормы, ценности и поведенческие модели, принятые в немецкой молодежной среде, но при этом часто испытывает дискомфорт, отчужденность, находясь в обществе русскоязычных иммигрантов:

«Когда-то я ходила на какие-то такие кружки, квартирники.... Это такое брожение в собственном соку! В общем, эта нереализованность людей за границей и... они читают друг другу свои эссе, стихи и какие-то повести, и все это пахнет безнадежностью. Как же это назвать? — ну, безнадежно больных людей. Выхода этому нет, и я практически никогда не знаю, что там сказать и кому» (Лена, 27 лет).

Вопрос об этнической самоидентификации нередко вызывал затруднения у таких информантов. Если представители первой группы интегрировавшейся молодежи, не задумываясь, называли себя русскими, то представители второй группы утверждали, что уже не могут сказать, что они русские, поскольку чувствуют отличие своего мировоззрения от мировоззрения «русских», но, с другой стороны, они не могут сказать, что они немцы, поскольку росли и воспитывались в русских традициях. Поэтому в данной группе определение этнической самоидентификации иногда ограничивается компромиссным понятием «мы — европейцы».

Еще одна особенность, отличающая эти две группы, заключается в том, что представители первой группы не исключают возможности в будущем жить и работать в России, а представители второй группы — наоборот, говорят о том, что они никогда не смогли бы ни жить, ни работать в России даже при благоприятных экономических и политических условиях, а также при наличии хороших перспектив для карьеры.

Следующие два типа стратегий, сепарация и маргинализация, направлены скорее на исключение, изоляцию иммигрантов в инокультурной среде.

Как уже отмечалось, сепарация предполагает стремление иммигрантов ограничить контакты с принимающим обществом. Но здесь необходимо заметить, что речь идет не о низкой интенсивности контактов с немцами, а об их поверхностном характере. Чаще всего информанты просто вынуждены достаточно интенсивно общаться с немцами в силу жизненных обстоятельств: совместной учебы, работы и т.д. Кроме того, уровень владения немецким языком у всех групп молодежи очень высокий, но это обстоятельство не свидетельствует о том, что все молодые эмигранты стоят на пути к интеграции. Критерием, определяющим ту или иную стратегию аккультурации, является, прежде всего, круг близких друзей, характер и способы проведения досуга. Здесь нужно обратить внимание на то, что сфера общения дезинтегрированной молодежи зачастую имеет прямую связь с линией эмиграции. То есть, в данном случае, русские немцы общаются с русскими немцами, русские евреи с евреями, и даже информанты, принадлежащие к третьей категории эмиграции, тоже иногда ограничиваются только обще-

нием друг с другом. Такая замкнутость в кругу общения с представителями такой же линии эмиграции обусловлена в основном локальным происхождением русскоязычных иммигрантов. Например, еврейская молодежь в основном эмигрировала из крупных городов, таких как Москва, Санкт-Петербург, Киев или Одесса, и имеет мало общих интересов с русскими немцами, переехавшими из поселков и деревень Сибири и Казахстана.

Таким образом, замкнутость сфер общения обусловлена в данном случае не национальными причинами, а культурным багажом иммигрантов, семиотическое отличие групп проходит не по линии «немец-еврей», а по линии «столица-провинция» или «город-деревня». Эмигранты из крупных городов часто называют русских немцев «деревенщиной» и отмечают различия у себя и у «немцев» в менталитете и культурном уровне. В свою очередь, русские немцы видят свое превосходство над остальными иммигрантами в том, что сразу после переезда получают немецкое гражданство, становятся признанными представителями табельной нации. В этом заключается особенность этнической политики Германии, которая основывается на исторически обусловленном принципе культурного фундаментализма и предполагает две формы национальной идентичности: политическую (по факту рождения) и этнокультурную («право крови») (Куропятник 2000: 121–122). При этом объединяющей характеристикой для всей дезинтегрированной молодежи в целом является стремление находиться в своей внутренне русскоязычной субкультурной среде, ориентируясь на те нормы и модели поведения, которые в ней приняты. В подобных молодежных группах иногда существует негативное отношение к коренным немцам, а при перечислении основных характеристик, свойственных немецкой молодежи, часто преобладают отрицательные стереотипы, например, «жадность», «несерьезность», «высокомерие», «враждебность», «национализм», «склонность к предательству».

Среди неинтегрированной молодежи также распространено мнение о так называемой немецкой «закрытости», которая заключается в том, что немцы якобы сами стремятся отграничить себя от общения с «иностранцами», что приводит иммигрантов к изоляции и отчужденности. Чаще всего эту ситуацию информанты описывали на примере взаимоотношений в школьном коллективе:

«Вот, например, в нашем классе, мне кажется, немцы уже даже не хотят общаться. То есть они к общению с русскими не стремятся. Мне даже кажется, что они к дружбе как-то не приучены» (Ирина, 19 лет).

Такое мнение оспаривается интегрировавшимися иммигрантами, которые утверждают обратное. Имея достаточное количество немецких друзей, представители этой группы молодежи считают, что очень легко найти общий язык с немцами и обрести среди них верных друзей.

В качестве дифференцирующих факторов в отношениях с немцами неинтегрировавшиеся молодые люди отмечали в основном разницу в менталитете, воспитании, чувстве юмора. В процессе интервью, однако, часто выяснялось, что у информантов есть друзья среди немцев, которые при этом характеризовались как «нетипичные» немцы или немцы, имеющие «русскую душу».

Многие информанты, выбравшие данный тип аккультурационной стратегии, также отмечали, что гораздо лучше складываются их отношения с иммигрантами из других стран: поляками, сербами и даже турками, утверждая, что их объединяет общий статус иммигрантов и общие проблемы адаптации к новым социокультурным условиям.

«Я заметила, что все люди, которые имели когда-то отношение к эмиграции, как я, они все держатся вместе как-то, общий язык находят» (Света, 25 лет).

Одной из наиболее острых проблем в иммиграционной среде является проблема самореализации и профессионального роста. Особенно это касается той части молодежи, которая приехала в Германию, уже имея как минимум среднее образование. Информанты часто затруднялись ответить на вопрос о дальнейших планах и перспективах, утверждая, что им скорее всего придется доучиваться или даже переучиваться для того, чтобы получить новую профессию. Эта проблема является также следствием несовпадения ожидаемой ситуации во время принятия решения об эмиграции и действительного положения дел. Имеется в виду, что потенциальные эмигранты, находясь на родине, получали очень скудную информацию об экономической ситуации в Германии, о ситуации на трудовом рынке, а также о том, в какие жилищные и социальные условия они попадут после переезда. На то, чтобы сориентироваться в ситуации на трудовом рынке, у большинства семей ушло несколько лет. Многие, так и не сумев реализовать себя в новых социально-экономических условиях, ограничивались социальным пособием, и, как правило, возлагали все надежды на успешность младшего поколения, что не всегда благоприятно отражалось на семейных отношениях. В некоторых случаях семейные проблемы, возникшие на почве неудовлетворенности жизнью в эмиграции, являлись причиной возвращения обратно на родину. Так описывает одна из информанток причины возвращения на родину ее родителей:

«...у нас были проблемы в семье... Некоторые говорят, что когда люди эмигрируют, то развиваются самые худшие черты их характера. Потому что это все начинается с нуля, и люди через многое должны пройти, многое вынести. Все, конечно, очень нервничали и т.д. И чаще всего либо браки распадаются, либо люди живут в постоянных ссорах, то есть эмиграция, она, конечно, негативно влияет...» (Рита, 18 лет).

Для дезинтегрированной молодежи характерно также мнение о том, что на трудовом рынке в Германии существует дискриминация иммигрантов в том смысле, что немцам, как правило, предоставляется больше возможностей для профессионального роста:

«Так получается, что даже если русский человек вроде как неплохо знает предмет и хочет устроиться на работу, то все равно, когда на одно место несколько человек, сначала смотрят немцев и только потом русских, то есть рассматривают, прежде всего, немецкие заявки» (Саша, 22 года).

Однако подобное положение не влияет на желание молодых иммигрантов вернуться на родину. Такое стремление характерно скорее для старшего поколения. А молодые люди, сетуя на ограниченность возможностей профессиональной самореализации в Берлине, между тем, считают, что на родине их ждала бы еще более сложная ситуация.

К сожалению, несмотря на то, что общение дезинтегрированной молодежи в основном происходит на русском языке, общий культурно-языковой уровень зачастую сохраняется в достаточно примитивной форме. Прежде всего, это выражается в бедности и ограниченности лексикона: молодые люди часто разговаривают между собой, используя немецкие слова вместо русских (прибавляя к ним русские окончания), и наоборот, русское слово вставляют там, где не знают немецкого, что тормозит процесс овладения обоими языками. Сохранение у молодежи русской культуры происходит в основном под влиянием семьи. Развиваются те культурные аспекты, на которые в семье принято обращать внимание, и которые, по мнению членов семьи, являются необходимыми компонентами социализации младшего поколения. Например, это касается чтения русской литературы, что во многих русскоязычных семьях является обязательным и строго контролируется. В тех семьях, где не уделяется должного внимания воспитанию младшего поколения в сфере русской культуры, она, как правило, сохраняется в «до-эмигрантской» форме. Стремление членов семьи (в том числе и супругов информантов) повлиять на развитие русской культуры у молодых людей выражается в основном в попытке привлечь их внимание к чтению русской литературы, «приучить» их читать на русском языке:

«...больше я читаю немецкие книжки. Русские книжки, если только подарит кто-то: если мама подарит, если сестра подарит, или скажет, что это хорошая книжка, прочитай ее, а так я читаю немецкие книжки в школе, и я даже не успеваю читать русские» (Соня, 17 лет).

«...когда я в Германию приехала, я читала только на немецком. Но потом, когда я вышла замуж за своего русского мужа, он мне сказал, что надо устраивать книжную ревизию у нас дома. Он меня заставлял читать... то есть, он мне просто клал и говорил: "почитай вот того, того, того". И я очень много по-русски читала» (Лена, 27 лет).

Самый распространенный способ сохранения русской культуры, на который указали все неинтегрировавшиеся информанты, — это празднование как традиционно российских (как правило, церковных), так и советских праздников. Каждый такой праздник, по рассказам информантов, обычно проходит в русскоговорящем обществе очень оживленно: приглашаются гости, обязательно готовятся традиционные блюда русской кухни.

Следующий тип аккультурационной стратегии, *маргинализация*, демонстрирует наиболее радикальный способ изоляции в иноэтнической среде. Нам удалось обнаружить четыре примера маргинализационной стратегии в берлинском обществе: два — среди эмигрантов еврейской линии и два — среди русских немцев. Общей характеристикой для этой категории информантов в целом является закрытый образ жизни, сконцентрированный на общении только с узким кругом единомышленников, имеющих общие интересы и ценности. Подобные социальные группы живут изолированно, согласно тем нормам, которые установлены внутри каждой из них. Примером могут служить иммигранты, переехавшие целой деревней (10–12 семей) из казахского села и продолжающие жить в Берлине, сконцентрировавшись на отношениях и связях внутри группы. Таким иммигрантам трудно освоиться в новой для них жизни не только потому, что они оказались в чужой им стране, но и потому, что теперь они живут в большом столичном городе, а сами они и их предки были крестьянами и жили всегда только в деревне.

Маргинализационные стратегии еврейской молодежи имеют абсолютно другие причины. Они вызваны убеждением в том, что существуют так называемые «истинные» и «неистинные» евреи. Стратегию маргинализации выбирают для себя «истинные» евреи, демонстрируя свое отличие от всех остальных групп, которое заключается в наличии определенного, свойственного только им, мировоззрения. Особенность этого мировоззрения заключается в религиозности и осуждении неверующих или слабо верующих евреев и причислении таковых к категории «неистинных» или «евреев только по паспорту». Для данной группы характерно также отчуждение и жесткое сопротивление нормам и правилам, навязываемым с одной стороны немецким обществом, с другой — еврейской общиной, которая, по словам информантов, *«существует для тех, кто ничего не понимает в еврейской культуре»*.

Другим характерным признаком данной группы еврейской молодежи является демонстративно-агрессивное поведение, основанное на убеждении в том, что немцы должны чувствовать вину за геноцид во время Второй мировой войны, а следовательно, испытывать страх перед возмездием. Так описывает свое отношение к проблеме вины немецкого народа один из информантов:

«Мои родственники не то, что пострадали, а их всех, кроме моей бабушки, убили. Расстреляли и в общей яме закопали в Белоруссии, в Гродно.

Как можно деньгами заплатить за жизнь человека? За дела отцов должны отвечать их дети. Это не мое мнение. Это мнение написано в Талмуде, в книге, которой уже несколько тысяч лет» (Павел, 20 лет).

Отношение данного информанта к немцам и эмигрантам, приехавшим по немецкой линии, также носит в основном негативный характер:

«В немецкоязычных компаниях мне не нравится ничего. Они не терпят, не уважают других людей. Каждый сам за себя. Среди русских немцев очень мало людей, с которыми можно нормально общаться. Просто я вырос, а они из детского возраста не вышли».

У русских немцев маргинализационные стратегии основаны на дезинтеграции в условиях мегаполиса, а круг общения ограничивается в основном русскоязычными родственниками и знакомыми. Кроме того, для них характерно стремление учиться и работать только в русских учреждениях и при этом отсутствует желание изучать немецкий язык, что, естественно, вызывает большие трудности в процессе самореализации. Такие иммигранты не видят для себя никаких перспектив профессионального роста в Германии и утверждают, что в условиях российской или казахской деревни они бы чувствовали себя гораздо комфортнее. Поэтому для этой категории информантов характерно желание вернуться на родину, если появится такая возможность.

В заключение следует отметить, что стратегии аккультурации русскоязычной молодежи в немецком обществе во многих случаях не являются постоянными, а наоборот, могут варьироваться в течение жизни в эмиграции (Schütze 2003). Существуют примеры смены стратегии с «ассимиляционной» на «интеграционную», когда эмигрант «вдруг вспоминает» о своем происхождении и прилагает различные усилия для того, чтобы возобновить свою причастность к русской культуре. В других случаях, если еще не адаптировавшийся информант прожил в эмиграции только два года, то можно предположить, что со временем его стратегия также изменится. Изменение аккультурационных стратегий в сторону интеграции во многом зависит и от этнической политики Германии, стремления придерживаться основных принципов идеологии мультикультурализма: равноправного сосуществования различных форм культурной жизни. Только при этих условиях иммигрантская молодежь может стать консолидирующим фактором в отношениях между национальным большинством и меньшинством.

Литература

Берри Дж. и др. Кросс-культурная психология: исследование и применение. Харьков: Гуманитарный центр, 2007.

Данисенко М.Б. Эмиграция из России по данным зарубежной статистики // Мир России. 2003. № 3. С. 157–169.

Куропятник А.И. Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических сообществ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.

Протасова Е. Русско-немецкий билингвизм и русский язык: опыт Германии // Диаспоры. 2003. № 1. С. 27–46.

Стефаненко Т. Этнопсихология: Учебник для вузов. 4-е изд. М.: Аспект Пресс, 2009.

Berry J.W. et al. (eds.) Cross-cultural psychology: Research and applications. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

Dietz B. Integriert oder isoliert?: Zur Situation russlanddeutscher Aussiedler in der Bundesrepublik Deutschland. München: Günter Olzog, 1994.

Strobl R. Chancen und Probleme der Integration junger Aussiedler aus der früheren Sowjetunion // Zuhause Fremd: Russlanddeutsche zwischen Russland und Deutschland / Hrsg. von S. Ipsen-Peitzmeier. Bielefeld: Transcript, 2006. S. 87–105.

Schütze Y. Migrantennetzwerke im Zeitverlauf — Junge russische Juden in Berlin // Berliner Journal für Soziologie. 2003. Heft. 2. S. 239–253.